

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

ЧАСТЬ 4

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВ

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 4

«Автор»

2026

Максимов А.

До пяти десяти. Часть 4 / А. Максимов — «Автор», 2026

Семь признаний перестают противоречить друг другу. Они складываются в единственную версию — ту, которую кто-то готовил много лет. Последние следы приводят Яну к женщине с синими глазами, месту, которого нет ни в одном журнале, и архивной записи, способной изменить всё расследование. Чтобы восстановить события той ночи, ей придётся проверить каждую из семи историй и понять, что на самом деле произошло после 5:10. Но главный вопрос остаётся без ответа: почему Даниил Ветров выбрал именно Яну — и какую последнюю улику оставил перед смертью? Финальная часть мистического детектива «До пяти десяти».

© Максимов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Максимов

До пяти десяти. Часть 4

ДО ПЯТИ ДЕСЯТИ

Детективный роман

Часть четвёртая. До пяти десяти

Глава 22. Первая строка

Имя — самый короткий путь к чужой версии.

Достаточно увидеть его в журнале, на фотографии или в подписи, и все остальные факты начинают выстраиваться вокруг человека, которого ещё никто не доказал.

В 5:10 внешний наблюдатель отключился.

На экране остались две строки.

Доставлена в общежитие академии. Свидетель — М. Савельев.

Покинула дом на Белинского самостоятельно. Свидетель — И. Савельева.

Марков стоял за спиной Яны и смотрел на фамилии.

— Если первая строка принадлежит Михаилу, а вторая Ирине, одна из них должна быть правдой.

— Почему?

— Потому что они противоречат друг другу.

— Две лжи тоже умеют противоречить.

Яна велела сохранить обе версии как отдельные вещественные доказательства, снять полный образ сервера и запретить поиск по имени Ирины Савельевой до тех пор, пока три группы не установят происхождение самой записи.

— Мы уже знаем, кто такая Ирина, — сказал Марков.

— Знаем биографию женщины, которая исчезла в девяностом. Не знаем человека, подключившегося сегодня.

— А если это она?

— Тогда тридцать шесть лет ожидания переживут ещё один час проверки.

Эксперт поднял голову от клавиатуры.

— Пользователь удалил сертификат при выходе.

— Удалил копию, — сказала Яна. — Сертификат должен был откуда-то появиться.

— В журнале выпуска пусто.

— Значит, ищите не выпуск. Первое применение.

— Это может занять день.

— У Ветрова тоже был день. Он начал раньше.

* * *

Первую строку создали в 2019 году.

Не в 2010-м, когда Яна вернулась в общежитие, а через девять лет — за три дня до признания Ильи Воронцова. Запись добавили в оцифрованное личное дело вместе с семью другими уточнениями. Автором значился Михаил Савельев.

— Ветров подготовил себе алиби задним числом, — сказал Марков. — Доставил тебя в общежитие, стал свидетелем и записал это, когда понадобилось.

— Он мог доставить.

— Но?

— Но свидетельство, составленное свидетелем через девять лет, называется рассказом.

Новая строка появилась за девятнадцать минут до прихода Ветрова. Она не исправляла дату, номер машины или маршрут. Только меняла того, кто видел Яну после 5:10.

Обе версии хотели одного: занять место единственного свидетеля.

Яна сняла их с общей доски.

— Проверяем без фамилий. Что происходило физически?

Из 2010 года сохранились три независимых следа.

Карта Антона Миронова оплатила поездку от дома на Белинского до общежития академии в 18:26.

Курсант Левина вошла через боковую проходную в 18:51.

На следующий день дежурный составил рапорт: она была без телефона, в чужом тёмном пальто и отказалась объяснить, где находилась.

Рапорт хранился не в личном деле, а в журнале нарушений режима. Поэтому Михаил не смог заменить его, когда оцифровывал биографию.

Дежурного нашли в отставке. Он не помнил дату, но узнал собственную подпись и объяснил, почему составил необычно подробный документ.

— Курсантка выглядела трезвой, но читала адрес на рукаве, будто пришла в общежитие впервые. Я предложил врача. Она спросила, который час. Я сказал: без девяти семь. Она ответила: «Значит, уже после».

— После чего? — спросил следователь.

— Тогда не объяснила.

Елена Викторовна утверждала, что дочь вернулась утром. Журнал проходной, вечерняя переключка и рапорт доказывали другое: Яна вошла в 18:51, легла и проспала до следующего утра. Мать увидела её уже после сна и соединила два события.

Для ошибки не понадобились ни препараты, ни семь положений.

Только ночь между ними.

— Одна женщина, одна машина, один вход, — сказал Марков. — Ни Михаила, ни Ирины.

— Пока.

В таксомоторной компании оплата с карты погибшего пассажира вызвала спор. Банк отказался проводить операцию, водитель подал заявление, и к нему приложили путевой лист. Архив хозяйственного суда сохранил бумагу шестнадцать лет.

В графе «особые обстоятельства» водитель написал:

Пассажирка села одна. Плохо ориентировалась. Адрес общежития был записан на внутренней стороне рукава.

Ниже стояла подпись водителя и время: 18:24.

— Значит, Михаил её не привозил, — сказал Марков.

— Он мог посадить в машину.

— А Ирина?

— Могла смотреть из окна. Могла не существовать. Строка этого не решает.

Яна попросила отдельно проверить пальто.

Дежурный описал его слишком подробно: тёмно-синее, женское, с перламутровой пуговицей на правой манжете и зашитым полукруглым разрывом возле кармана. В 2010 году рапорт сочли попыткой сотрудника доказать, что он хорошо рассмотрел нарушительницу. Теперь описание стало вещественным следом без самой вещи.

Мать пальто не узнала.

Софье описание зачитали без объяснений.

Она попросила повторить про пуговицу.

— Такая была у моей матери, — сказала она.

— У Ларисы Лариной?

Софья посмотрела на Яну.

— В документах — да.

— А дома?

— Дома она не разрешала произносить имя при открытом окне.

— Какое имя?

Софья коснулась левого запястья.

— Иногда я называла её Ириной. Потом она говорила, что я снова принесла из комнаты чужую женщину.

— Она была светловолосой?

— Да.

— С синими глазами?

— Да.

Официальная фотография Ларисы Лариной показывала женщину с тёмными волосами и карими глазами.

Софья видела снимок много раз и каждый раз считала собственную память ошибкой.

* * *

Лариса Петровна Ларина умерла в январе 2011 года.

В свидетельстве стояла острая сердечная недостаточность. Тело кремировали. Урну получила дочь Софья.

Смерть выглядела окончательной ровно до той минуты, когда Соколова нашла биопсийный материал.

За восемь месяцев до смерти Ларине удаляли доброкачественное образование. Клиника закрылась, но стекла с тканью передали в городской патоморфологический архив. Номер совпадал с картой пациентки, подпись врача сохранилась, цепь хранения не прерывалась.

Соколова потребовала два независимых исследования.

Оба пришли к одному выводу.

Женщина, жившая под именем Ларисы Лариной, была биологической матерью Михаила Савельева.

Её старый перелом затылочной кости соответствовал удару о край металлического стола. На правой кисти сохранился след повреждения, описанного в медицинской карте Ирины Савельевой после лабораторной аварии 1987 года.

— Ирина не исчезла в комнате, — сказал Марков.

— Исчезло имя.

— Она двадцать один год жила рядом с Софьей.

— Под чужой фотографией.

Соколова закрыла заключение.

— Это не предположение. Лариса Ларина и Ирина Савельева — один человек.

— Тогда она могла видеть Яну в 2010 году, — сказал Марков.

— Могла, — ответила Яна.

— Ты опять.

— Теперь это слово хотя бы опирается на жившего человека.

Эксперт вошёл без стука. В руке он держал распечатку журнала сертификатов.

Первое применение учётной записи ISAVELYEVA произошло 22 августа 2016 года.

Через пять лет после смерти Ирины.

В тот же день частный депозитарий зарегистрировал посетителя ячейки Яны Левиной.

Веру Матвеевну Корн.

Глава 23. Женщина с синими глазами

Выживший человек не всегда возвращается.

Иногда ему дают другое имя, другую дверь и объяснение, почему прежняя жизнь опаснее неизвестности. После этого спасение отличается от похищения только тем, кто составляет документ.

Ракитину показали заключение о Ларисе Лариной.

Он прочитал фамилию, потом данные ДНК и только после этого фотографию Ирины.

— Вы знали, что она выжила? — спросила Яна.

— До вечера восемнадцатого октября — да.

— До вечера или после 5:10?

Ракитин поднял на неё глаза.

— После удара я нашёл пульс. У Ирины была рассечена голова, дыхание оставалось ровным. Антон вынес её через проход в сорок вторую квартиру.

— Вольский знал?

— Антон сказал ему, что она умерла по дороге. Вольский не попросил показать тело. Ему было удобнее получить мёртвого нарушителя, чем раненого свидетеля.

— Куда вы её увезли?

— В загородное отделение. Под именем Ларисы Лариной.

— Это была настоящая женщина?

— Настоящими были документы. Фотография принадлежала сотруднице закрытого центра, погибшей без родственников. Антон использовал её дело.

— А Софья?

— Её привезли через два дня. Ирина ещё не могла вставать. Когда девочка увидела её, впервые назвала себя Софьей.

— Почему?

— Ирина сказала: «Не называй своё имя». Софья решила, что ей дают новое.

— И вы не исправили.

— Мы считали, что так их не найдёт Вольский.

— Кто «мы»?

— Антон и я.

Яна положила перед ним список поддельных актовых записей.

— Вы украли у ребёнка имя второй раз и назвали это защитой.

Ракитин не отвёл взгляда.

— Да.

— Ирина согласилась?

— Первые недели она путала даты и не помнила удара. Потом стала записывать каждое решение отдельно: кто предложил, какие были альтернативы, что можно проверить. Она не доверяла даже собственному согласию.

— Но осталась.

— Софье требовался взрослый, которого она знала до новой биографии. Возвращение в семью означало бы признать девочку Яной, а документы уже называли Яной младенца.

— Значит, опять выбрали за неё.

— Да.

Ракитин произнёс слово без защиты. За сутки оно стало его единственной формой честности.

— Почему Ирина не связалась с сыном?

— Пыталась. Письма перехватывали. Потом узнала, что Михаила забрал Вольский и готовит как Д-4. Она решила, что любой контакт приведёт его к Софье.

— И двадцать один год позволяла ему считать мать мёртвой.

— Она называла это способом сохранить обеих детей.

— В нашей истории слишком много людей, которые сохраняют человека отдельно от его жизни.

* * *

Медсестра загородного отделения оказалась жива.

Тамара Николаевна помнила не фамилии, а женщину, которая после черепной травмы требовала подписывать каждый укол двумя сотрудниками.

— Она всё спрашивала: кто назначил, кто принёс, что будет, если отказаться. Врач сердился. Я думала, трудная больная.

— Как её называли?

— Ларисой. Она не отзывалась. Девочка звала Ириной.

— Девочка была с ней постоянно?

— Спала на раскладушке у кровати. Когда женщина пришла в себя, первым делом спросила: «Как ты себя называешь?» Не «как тебя зовут». Я ещё подумала, странный вопрос ребёнку.

В личном альбоме медсестры сохранилась фотография новогоднего утренника 1990 года. Среди пациентов стояли светловолосая женщина со швом на затылке и четырнадцатилетняя девочка. На обороте Тамара Николаевна написала:

Лариса и Софья. Обе не любят фотографироваться.

Снимок сделали через два месяца после исчезновения Ирины.

Он не объяснял, почему они остались под чужими именами.

Но не позволял больше называть их существование версией Ракитина.

* * *

Софья попросила не показывать ей готовую расшифровку.

Сначала ей принесли семь предметов из квартиры Лариной: записную книжку, старые очки, ключ, коробку с пуговицами, медицинский браслет, фотографию двора и тёмно-синее пальто.

Пальто нашли в опечатанном шкафу после смерти матери. Софья хранила вещи, но с 2011 года не открывала чехол.

На правой манжете не хватало перламутровой пуговицы. Возле кармана был зашит полукруглый разрыв.

Дежурный академии описал именно его.

— Она отдала пальто вам, — сказала Софья.

— Или кто-то взял без разрешения.

— Я помню, как она вернулась без него.

— Когда?

— Ночью. После дождя. Села на кухне и сказала: «Маша вышла сама».

Яна включила запись только после того, как Софья закончила.

— Какой это был год?

— Я не знаю. Я всё время ставила рядом паром.

— В 2010-м.

Софья посмотрела на пальто.

— Тогда она видела вас.

— Пока мы знаем, что пальто видело меня.

На внутренней подкладке эксперты нашли след старых чернил. Адрес общежития был написан изнутри рукава, затем выведен растворителем. Почерк принадлежал Ирине Савельевой.

Вернулось пальто не чудом. Дежурный отправил мокрую вещь в сушильную комнату и выдал Яне форменную куртку. Утром женщина с паспортом Ларисы Лариной забрала пальто как владелица. В старом журнале сохранились её подпись и номер документа.

Ирина проследила маршрут до конца, не показавшись Яне.

В кармане лежал сложенный вчетверо билет из камеры хранения Центрального вокзала. Дата — 18 октября 2010 года. Ячейку открыли в 18:02. Получателем значилась Л. Ларина.

Камеры того времени не сохранились. Зато в журнале осталась подпись.

Ирина находилась рядом после 5:10.

Это не доказывало, что она помогала Яне. Но впервые одна из двух строк получила независимую опору.

* * *

В коробке с пуговицами был второй слой.

Снизу картон выглядел толще. Криминалист отделил пластину и нашёл карту памяти старого формата. На наклейке рукой Ирины было написано:

После 5:10. Не отдавать Михаилу.

Карта содержала аудиофайл и пакет цифровых ключей. Один из них назывался OBSERVER-8.

Ключ создали в ноябре 2010 года. Ирина не могла подключаться к полицейским системам, которых тогда не существовало. Это был только закрытый сертификат — заготовка, которую можно было привязать к будущей учётной записи.

В 2016 году Вера Корн открыла депозитарную ячейку, получила копию карты и выпустила действующий сертификат на имя Ирины.

— Почему не на своё? — спросил Марков.

— Потому что имя мёртвой женщины заставляет живых смотреть в нужную сторону, — сказала Яна.

— Ты уверена, что это сделала Вера?

— Нет.

— Но доступ к ячейке был только у неё и Михаила.

— Михаил уже пользовался своим именем в других метаданных. Здесь кто-то хотел, чтобы мы увидели Ирину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.